

Он выл. В этом звуке не было ничего человеческого. Он выл, как зверь, загнанный, больной, беспомощный. В этом вое было все: жалоба, мольба, вопль умирающего и просто истерика. Он выл без всякой надежды на спасение, просто оттого, что по-другому уже не мог выразить свои чувства. Человек, живущий на чужом огороде в полусарайке-полутепличке, четко осознал – начинаются настоящие холода, а это значит, что его жизнь заканчивается. Сложная, запутанная, времена никчемная, временами светлая, но все равно – жизнь.

Зима в этом году не торопилась в их края, и он получил временную отсрочку своей участи. Хотя жить в доме со стеклянной крышей и стенами было холодно, но пока не наступили морозы – терпимо. Пусть с кашлем, сотрясающим все его существо, пусть вечно дрожащим от холода, но жить... Жить... А была ли она кому-то, и в первую очередь ему самому, нужна эта жизнь? Пару дней назад он, наверное, сказал бы, что нет. Но когда смерть замаячила совсем рядом, жить ему нестерпимо захотелось, только как выжить в морозы в стеклянном, выстуженном сарае, он не представлял. Ужас и породил тот самый жуткий вой, от которого вставали дыбом волосы прохожих, чей маршрут лежал мимо садовых участков...

Только, видать, судьба была ему выжить и в этот раз. Один из «добытчиков» металла, промышляющий по заброшенным и сезонно пустующим дачам, услышав странный звук, пошел прямо на него. Не иначе ангел-хранитель Степана его сюда привел.

– Ты чего, мужик? – почти заботливо спросил нежданный гость заросшего бородой, закутанного в старые куртки «хозяина» сарайки со стеклянной крышей.

– Жить охота, а помирать приходится. Холода наступают. Замерзну напроць, если крысы раньше не сожрут – обнаглели эти твари

в последнее время. Видать, от зимы озверели... Живые существа, понимаю. Но не могу больше терпеть, как они по мне ночью бегают, загрызть норовят.

Он помолчал, потом добавил, глядя с надеждой на вошедшего:

– Хоть бы прибил, что ли, кто... Долбанул по башке...

Мужик не отвечал, тогда Степан продолжил, глядя в пустоту, говоря словно самому себе:

– Или из леса забрал... Может, еще поживу, если Господь даст...

– Долбать не буду, не дожدهшься, я не по этому делу. С Богом своим сам разбирайся. А наводку, куда податься можно, – дам. Иди на Щелковскую, это конечная синей ветки. Знаешь?

– Знаю.

– Там волонтеры каждый день с горячими обедами стоят. Старшая у них Юля. Говорят, помогает таким, как ты, баба добрая. Всем, не всем – не знаю. По-любому попробуй. Пошел я. Холодно у тебя, околеть можно. Мне еще поработать нынче надо.

«Ангел» в виде спеца по металлолому исчез в снежной дымке, а Степан еле дождался следующего утра. Всю ночь он мерил шагами сарайку, чтобы не заснуть и напрочь не замерзнуть. Он добрался до Измайловской как раз в то время, когда сюда приехали волонтеры и подтянулись те, кто рассчитывал получить бесплатную еду. Без труда вычислив старшую – немолодую женщину с уставшими серыми глазами, он подошел к ней и начал с места в карьер:

– Помогите с работой. Дома нет, денег нет... Жить хочется... Может, в какой монастырь трудники требуются?

Внимательно глядя на новенького, зашедшегося в этот момент в застарелом кашле, Юля ответила:

– Попробую. Но ничего не обещаю. Переночевать можете в наших комнатах. Там и душ, и парикмахер...

Через три дня Степан стоял около автобуса, отправлявшегося в один из маленьких, но важных городов Центральной России, рядом с которым находился скит известного всему православному миру монастыря. Он рассказывал историю своей жизни и, хотя не смотрел на Юлю, но по тихим судорожным вздохам понимал – она плачет. У него не было желания вызвать жалость волонтера, да и вряд ли они еще раз увидятся, просто она спросила, а он почему-то решил вывалить все...

В автобус прошла высокая женщина с сыном-подростком. Степану показалось, что она не обратила никакого внимания на него с Юлей, но, когда стал пробираться на свое место, находившееся, как выяснилось через проход от них, то уловил взгляд соседки в красном пальто. В нем сквозило недоумение – с каких пор в приличный автобус стали пускать бомжей? Хоть и был Степан выбрит, подстрижен, одет во все чистое и вполне приличное, все равно человека, жившего как и где попало, было видно издали. Она не стала выказывать эмоции по поводу такого соседства, вероятно, решив, что вряд ли человека без определенного места жительства запросто пустят в автобус. Может, она вообще о нем не думала, просто Степану так показалось из-за обостренного ощущения неприязненного к себе отношения. Он покосился на соседку – та, закрыв глаза, откинулась на спинку сиденья, вероятно, уснув, сын тоже спал, положив голову ей на плечо.

Степан стал смотреть в окно. Попутешествовать в своей жизни ему пришлось немало, но в тех краях, куда он сейчас ехал, бывать не при-

ходило. Поэтому ему все было интересно – городки и поселки, проезжавшие мимо, лес, который теперь, когда он сидел сытый и в тепле, вызывал у него восхищение красотой, а не чувство ужаса, голода и одиночества. Правда, страх в нем все равно сидел. Страх перед тем, что ждет впереди...

Во время остановки, когда соседи отправились в придорожное кафе, он вытащил выдавшуюся вилку, оставшуюся от прежней жизни, и после долгих сомнений и колебаний все-таки сделал большой глоток. Но алкоголь, как ни странно, никак на Степана не подействовал, вилка, нервы настолько были напряжены, что привычное средство расслабления не подействовало.

Автобус двинулся дальше, соседи, закупившиеся пирожками, разложили на коленях салфетки и принялись за еду, предварительно перекрестив ее и прочитав молитву. Правда, слов он не разобрал, но сосредоточенный и слегка отрешенный вид женщины подтвердил его предположение. Когда пирожки были съедены, соседи углубились в свои гаджеты: сын достал планшет, а мать – сотовый телефон. Степан подумал, что сейчас самое время заговорить, и обратился к женщине:

– Вы, как я понял, люди верующие.

Женщина отвлеклась от телефона и вежливо улыбнувшись, ответила:

– Стараемся.

– Вы можете помочь другу? – так же улыбнувшись, спросил Степан.

Соседка в красном пальто слегка смешалась, но через несколько секунд, взяв себя в руки, так же вежливо ответила:

– Если смогу, конечно, помогу.

Степан протянул ей карманный молитвослов, у которого страницы были оторваны от корешка – слишком много ему пришлось вынести за время скитаний хозяина, это вообще было чудо, что он сохранился хотя бы в таком виде.

– Вот, почините, пожалуйста, я не знаю, будет ли у меня возможность это сделать самому.

– Конечно, конечно, спасибо, – женщина аккуратно положила молитвослов в дамский рюкзачок, а сын перекрестился и снова уткнулся в планшет, с экрана которого громко вещал герой популярного сериала.

– Сделай тише, ведешь себя безобразно! – одернула женщина сына, но тот, то ли не услышав, то ли сделав вид, что не слышит, продолжил наслаждаться сериальной музыкой. Мать сделала попытку вырвать из рук отпрыска громко распевающий планшет, но она не увенчалась успехом. Соседка зашипела:

– Или выключай, или сейчас заберу и совсем не получишь до нового года!

Сын, пробурчав в ответ что-то типа: «Ага, щас!», все-таки сделал звук чуть тише и, отвернувшись от матери, демонстративно приложил гаджет к уху.

Степан жестом подозвал женщину и, когда та наклонилась к нему через проход, сказал:

– Не дергай его, угрозами ничего не добьешься, лучше по-доброму скажи – понимаю, что хочется музыку послушать, но давай сделаем так, чтобы слышали только мы, а не весь автобус, некоторые спят, зачем людям мешать. Видно же, что пацан у тебя неглупый и пока еще не наглый. Смотрю только, не общаетесь вы, каждый в своей игрушке

сидит. Плохо это... Я вот тоже так сына потерял... Правду, ему уже двадцать три было.

У соседки приподнялись удивленно брови.

– Потерял, потерял, и ты потеряешь... Уже теряешь. Из-за телефонов этих, планшетов, компьютеров, фонов-монов... Мой в институте учился, последний год до диплома оставался, уже и работу неплохую нашел... И тут, как у вас говорят, завис в компьютере... То ли игрушки, то ли общение в сети затянуло, то ли все вместе... Не знаю... Год с женой пытались его образумить, думали, диплом напишет, а он только в компьютере сидел... Попал парень... Через год сказал ему – все! Не хочешь учиться – иди работай, хватит на шее сидеть...

Степан замолчал, вспомнив сына, его улыбку, удивительно синие глаза. Андрея иначе как красавчиком никто никогда не называл. Родители думали – от невест отбивать придется... А он, как засел в интернете, так никто ему не стал нужен – ни девушки, ни учеба, а на красный диплом шел. Соседка молчала, выжидательно глядя на собеседника, потом решила прервать затянувшуюся паузу:

– И как все разрешилось? Институт все-таки окончил?

– Какое там, – махнул рукой Степан, – академ взял, потом еще один, два года прошло, он не учился и не работал. У нас с женой стычки начались, и я, грешник, не выдержал, ушел... Мы всей семьей с Украины уехать собирались, уже все готово к переезду было, а тут мне сын заявляет: «Не поеду, и все!» Жена с ним осталась... Разошлись мы... Я один уехал. Все ей оставил, а собирались домик купить, как в скиту жить... и место присмотрели под Муромом, там такая красота, тишина, радость... Она потом, правда, приехала ко мне, я уже гражданство получил и ей помог сделать... А дальше она меня за дверь выставила... Но я на нее зла не держу. Книги мои у нее остались, она их все редактировать пыталась, я не давал, теперь, наверное, дорвется, – он невесело усмехнулся. – Книги я все-таки неплохие писал, историю хорошо знаю, да и вера была. Мне коллеги в университете говорили, тебе, Степан, уже докторскую писать надо, а ты все кандидатскую никак не закончишь. А я и не хотел заканчивать – зачем? Живого в этих научных работах ничего нет, их для себя делаешь, а книга – она живая, она людям нужна... Я, когда здесь совсем приперло, по электричкам свои книжки продавал... представляешь, покупали! Правда, потом, как кризисы начались – перестали, только календарики еще брали православные, молитвословы карманные иногда могли купить, а вот книги – перестали.

– А сын как же? Он где?

– Андрюшка-то? – Степан вздохнул. – Говорят, работает где-то, не по специальности, конечно. Он в полиграфическом учился, друзья его, ребята с курса, уже свои типографии пооткрывали, а у Андрея хоть и ума – палата, а куда сейчас устроился, даже не знаю, кем – тоже не знаю... Хорошо, хоть где-то работает. Упустил я его, упустил... А все компьютер. Смотри, мать...

Степан с соседкой помолчали.

– Вот дочка, Валентина, она, молодец, хорошо отучилась везде, крепко на ноги встала. Замужем, дите, внучек у меня, Витька, растет, пять лет уже... Валюшка – она женаина, я ее удочерил, когда мы с Анной поженились, девчонке тогда четыре года было, она отцом меня считала, звала «батей». Я так считаю, что все-таки смог ее в люди вы-

вести, хотя проблемы свои были. Лет в шестнадцать подружка у нее появилась, Лизка, не нравилась она мне, я как чувствовал – не доведет она мою Вальку до добра. Запретил им дружить. Так она все равно тайком с ней встречалась. У Валентины косища русая, глаза синие, огромные, красивая девка выросла, умная, книги читала. Чистая... Однажды Лизка эта за ней зашла – на дискотеку звала, я ее за дверь выставил, но моя все равно умудрилась за ней увязаться, пока меня дома не было. Вернулся – сердце не на месте, пошел туда, а на мою Вальку уже кодла напасть готовится... Ну я-то ведь мужик здоровый тогда был, всех расшвырял, дочку забрал, как ее трясло, бедолагу... С тех пор она ни с Лизкой, ни еще с кем ни на дискотеки, ни в компании не бегала. Сидела дома, книжки читала, вышивала, со мной не ругалась.

Замуж неплохо вышла, только через пару-тройку лет задурил он, Макс-то, муж ее... Витюшка маленький был совсем, годик ему, а Макс ширнется – и ему на все наплевать. Валентина потерпела-потерпела, потом собрала сына и ушла, квартиру сняла. Максу сказала – или завязываешь, или нас больше не увидишь. Полгода сама работала и Витьку воспитывала, кормила, одевала, от нас помощи не брала – гордая, знала, что нам брак не очень нравился, ну, и хотела еще, чтоб муж знал – одни они с Витькой, осознал чтоб, что нужен дитю-то. Представляешь, завязал. Он ведь ее правда сильно любил и сына тоже. Не смог без них. Колоться перестал, к жене вернулся, Валька, молодец, помогла ему не сорваться, когда они сошлись... Я Макса ругать не стал – сам в молодости так же чуть семью не потерял...

Степан, слегка скосив глаза, увидел удивление в глазах соседки, которое она из вежливости не стала выражать словами, и, словно отвечая на незаданный вопрос, продолжил:

– Да... Было дело. Пить я не любитель был, но к травке как-то приистрастился. Сначала вроде ничего было, весело даже... Дальше – больше, чего-нибудь потяжелее захотелось. Анна приходит домой, а я в полной отключке валяюсь на полу, рядом шприц... Еле откачали, когда из больницы домой вернулся, тут меня как молния пробила – ради чего я теряю все? Жену, семью, жизнь? Ради травы? Таблеток? Кайфа сомнительного? Короче, смог себя в руки взять, слава богу... Видать, Он и помог... Держит еще меня, грешного зачем-то на земле...

Степан опять замолчал, глотнул воды из бутылочки, заботливо сунутой волонтером Юлей в сумку, и продолжил:

– Валя, дочка, хорошо живет, работа у нее, дом красивый, машина хорошая, какой марки, не знаю, я в этих новомодных не разбираюсь – большая такая, солидная. Со мной, правда, не общается – зачем ей отец-бомж. Ну, это понять можно. Плохо, что и мать не жалует – неудачниками нас считает... И в гости не зовет, и так не встречаемся. Внука мне видеть очень хочется, я б его в шахматы научил играть... Витюшка, когда последний раз встретились, подбежал ко мне, обнял и говорит: «Деда, я тебя люблю, только маме не говори, ладно?» Я на Вальку зла не держу, слава богу, смог ее на ноги поставить, да она и сама девка серьезная, всего добилась: семья, работа, молодец! Все надеюсь, может, свидимся еще, если человеком опять стану...

Степан неожиданно протянул соседке большой пирожок, который купила ему перед автобусом Юля:

– Возьмите! Я от души! Представляете, за эти несколько дней так отъелся, что совсем есть не хочу... Может, конечно, еще от нервов аппетита

нет... В новую жизнь все-таки еду... В каких только передрыгках не бывал, вроде ко всему привык, думал, спокойно перенесу... Не получается. Потрясывает маленько... Возьмите пирожок, если не брезгуете, конечно.

– Не брезгую, но не возьму – вам нужнее, неизвестно, когда вы еще есть будете. Это мы домой возвращаемся, а вам еще дорога предстоит, поэтому не возьму! К тому же у него, – она мотнула головой в сторону сына, – пицца есть, да и остановка скоро будет, если сильно есть захотим – еще купим, – с улыбкой, но твердо возразила она. Степан не стал больше делать попыток вручить ей пирожок, а сам механически принялся его жевать, не чувствуя вкуса, видимо, вправду сильно нервничал.

– Детей терять нельзя... Иначе они могут и не вернуться... Я никого не виню – сам до такой жизни дошел, чего себя выгораживать... Говорят, Анна моя, она меня на десять лет старше, жениха себе нашла, но оно и хорошо, одной тяжело... Может, хоть сейчас все у нее наладится?.. Дай бог, конечно. Когда она мою сумку с вещами выставила, я понять никак не мог – за что она? Но, видать, было за что... Бог ей судья... Я тогда комнату снял, через месяц с гриппом свалился... Позвонил ей, привези лекарств хоть каких, трубку бросила. Хозяйку попросил подождать с оплатой, а она меня тут же с квартиры попросила, говорит, раз денег нет на съём – уходи. А больной ты или здоровый – не мои проблемы. Мне тогда девчонки из магазинчика соседнего здорово помогли... Они мне разрешили у них греться – не гнали на улицу. Но я не наглел, постою, отойду в тепле малость, и выйду – у них там проверки всякие, зачем людей подводить? Увидят хозяева, что бомжа привели, уволить могут, а работу не так-то легко найти. Видок у меня, конечно, тот еще был... Тапки домашние, куртка старая, стою, трясусь – температура высокая. Но понимал – выходить на улицу надо. Один раз – чувствую – уйти надо, беспокойно мне как-то. Только на улицу вышел, хозяева подъехали. Вовремя я, а то бы девчонкам досталось, а они хорошие – меня еще и подкармливали, вермишель пакетную заваривали. Дай бог им здоровья. Ночевал в подъездах разных, чтоб не маячить в одном месте.

Потом знающие люди подсказали, где пожить можно бесплатно. Я, где мог, подрабатывал, конечно, то разгрузить, то поднести. В вагончике у меня хорошо было, уютно даже. Потом в нем Катя появилась – она на тридцать лет меня младше была, а что пережила за свои двадцать шесть, не передать... И ножом девку резали, и жить негде было, и с ворами сошлась. Я к ней как к дочери относился... Отогрелась она душой... Да и я другим с ней стал – не то чтобы прежним, но все ж совесть проснулась... А через полгода она под поезд попала...

Соседка, от неожиданности отшатнувшись от Степана, посмотрела на него расширившимися от ужаса глазами.

– Я два дня рыдал... Остановиться не мог... Стыдно сказать, роптать начал... На Бога... Этот я-то, который книжки духовные писал... А там покатилося – и подворовывать начал, и пить, чтоб от холода и мыслей спастись, – вроде как легче становилось, забывался... Еще что было, говорить не буду – противно... от самого себя тошно... Страшно... А через несколько месяцев в вагончике моем еще одна... появилась. Обрадовался, дурак старый, думал, хоть немного

Катюшку заменит... А эта разбитная девица, не иначе как оттуда (он опустил глаза вниз) прибыла. В общем, в одно непрекрасное утро остался я без всех документов, денег и вещей, только те, что на мне были, не украли... Когда ее найти попытался, избили меня так, что три дня валялся без памяти... Потом вагончик мой сожгли, чтоб не выпендривался, значит. Так вот и оказался в лесу... Нашел сарайку со стеклянным потолком заброшенную. Стал помаленьку ее обживать. Паренек ко мне прибился... Большой такой на внешность, а глупый – с родителями поругался, из дома ушел... На что жить будет где – ни о чем не подумал. Спрашиваю – чего умеешь? Ничего, говорит... С друзьями весело время проводил, а работать не пробовал. И девушка его бросила – на что он ей такой, никчемный?.. Знаешь, пока жили рядом, изменился он... Книжки я ему читал, какие еще у меня оставались в сумке, деваха их не тронула, они ей без надобности – не продашь... рассказывал много ему, о жизни говорили... Неделю назад он пошел и на работу вдруг устроился, радовался как дитя... Вчера плакал навзрыд, обнимал меня, не пущу, говорит, как я без тебя? Ты мне как батя... Я ему говорю: чудака-человек, помру я здесь. Когда прощались, сказал – через полгода приеду, погляжу, как живешь! Чтоб без питания, с работой и обязательно с девушкой помирлся. Обещал... Ты до самого конца едешь? – неожиданно спросил он соседку.

Та кивнула утвердительно и в свою очередь поинтересовалась:

– А вам куда?

– Мне в скит монастырский, по дороге с вами, только я ведь первый раз в этих краях, точно не знаю, где это.

– А. Я поняла. Мне больше другой монастырь нравится, он, правда, подальше и паломников мало, скромный, но там очень хорошо, спокойно, благодатно. А почему вы именно этот выбрали?

– Это не я выбрал, это меня туда определили. Я, когда понял, что смерть пришла, так завыл, что мужик, промышляющий металлом, не смог мимо домушки моей пройти. Адресок подсказал, вот я у волонтеров и оказался, попросил работу. Юля, старшая у них, это с которой мы возле автобуса стояли, сказала, предложу тебя в скит, они просили помощника им прислать, но возьмут ли – не знаю. Я ночью просить стал: если Ты меня на земле оставил, помоги человеком стать, в скит хочу, от прежней жизни уйти. – Степан закрыл глаза, заново переживая тревожное ожидание последних ночей, и закончил: – Представляешь, Юля мне вчера говорит: я в скит семерых предлагала, а взяли тебя одного... А ты говоришь – «выбрал»...

Автобус остановился. Соседка с сыном забеспокоилась:

– Мы к городу нашему приехали. КП уже, вам, наверное, выйти раньше надо было, а я не подумала...

Степан занервничал, быстренько выбрался из автобуса, не забыв случайно «оставить» старенькую фляжку – туда, куда он так хотел попасть, она ему не понадобится. По крайней мере, он на это очень надеялся. Перед выходом, правда, решился спросить у соседки на предмет жвачки – не хотелось ему пугать обитателей скита, да и знал, что слава, и хорошая, а особенно плохая, впереди бежит. На счастье Степана, у соседки оказалась целая пачка, которую она тут же протянула случайному попутчику. Стоя у автобуса, Степан немного растерянно озирался по сторонам, пытаясь понять – куда ему теперь податься, чтобы найти «своих», которых он к тому же и в глаза-то не видел,

и где находится скит, представления не имел. Да и вечерело уже прилично. Тут из стареньких «жигулей», припаркованных недалеко от «колючки», вышел коренастый невысокий мужик и направился напрямиком к нему.

– Ты в скит?

– Да.

– Садись, поехали, а то мы уже подмерзать начали, тебя ожидаючи.

Соседка неожиданно перекрестила Степана и ободряюще улыбнулась ему.

– Смотри, мать, не упusti сына-то, – помахал он ей на прощанье и забрался на заднее сиденье машины. Человек из леса ехал в другую жизнь...